

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1. 09

Г. А. Гасанова

ИСКУССТВО ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ: ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЕГО ГЕРОИ (ко дню рождения великого художника)

Г. А. ГАСАНОВА. МИСТЕЦТВО ПЕРЕВТІЛЕННЯ: ЛЕВ ТОЛСТОЙ І ЙОГО ГЕРОЇ.

Великий художник слова мав дивовижний дар перевтілення, він буквально розчинявся у своїх образах, іноді навіть «підкорявся» характерам, які були ним самим створені.

У статті розглядається питання трансформації особового «я» у літературних створеннях Л. Толстого, яке знайшло висвітлення в працях азербайджанських учених. На думку дослідників, з одного боку, не можна ототожнювати письменника з його героями, адже вони не є автопортретами, а з іншого, необхідно враховувати, що вони є виразниками морально-етичних переконань автора і в кожному з них частка душі майстра.

Ключові слова: особа автора, ототожнення образів, особисті риси, вживання в образи, самоаналіз, правда життя.

Г. А. ГАСАНОВА. ИСКУССТВО ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ: ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ЕГО ГЕРОИ.

Великий художник слова обладал удивительным даром перевоплощения, он буквально растворялся в своих образах, порой даже «подчинялся» характерам, им же сотворенным.

В статье рассматривается вопрос преломления личностного «я» в литературных созданиях Л. Толстого, который нашел освещение в трудах азербайджанских ученых. По мнению исследователей, с одной стороны, нельзя отождествлять писателя с его героями, ведь они не автопортреты, с другой стороны, необходимо учитывать, что они являются выразителями морально-этических воззрений автора и в каждом из них частица души мастера.

Ключевые слова: личность автора, отождествление образов, личные черты, вживание в образы, самоанализ, правда жизни.

G. A. GASANOVA. ART OF TRANSFORMATION: LEV TOLSTOY AND HIS HEROES.

The great writer had the surprising gift of transformation, it was dissolved in the images, sometimes even “submitted” to characters him created.

In this article the question of transformation personal “I” in literary creations of Tolstoy, who has found the lighting and in works of the Azerbaijani scientists is considered. According to researchers, it is impossible to identify the writer with his heroes, they aren’t self-portraits, and spokesmen of moral and ethical views of the author. And in each of them a particle of soul of the master.

Key words: the identity of the author, an identification of images, personal lines, enter into the image, introspection, the truth of a life.

Актуальность исследования обусловлена неугасающим интересом к творческому наследию великого Толстого, в художественной практике которого обращение к автобиографизму мотивируется стремлением передать опыт души и осмыслением собственной судьбы в неразрывном единстве с жизнью народа и общества.

Цель статьи заключается в углублении представлений о творческой индивидуальности автора, роли личностного начала в художественном процессе. Вопрос трансформации жизненных фактов в литературные произведения Л. Н. Толстого впервые в азербайджанском литературоведении становится предметом специального рассмотрения, глубокого анализа на основе обобщения конкретного фактического материала.

© Г.А. Гасанова, 2016

<http://doi.org/10.5281/zenodo.165213>

Данный аспект нашел свое отражение в научных разысканиях таких видных ученых, как С. Асадуллаев, М. Ариф, М. Ибрагимов, С. Рагимов, Э. Эфендиев и др.

Известный азербайджанский писатель-драматург Э. Эфендиев обращается к данной теме в целом ряде своих набросков: «Кто есть Толстой», «Чудо Толстого», «Вопрос Левина и ответ Толстому», «О Нехлюдове». «Специалисты по Толстому», – отмечает он, – то и дело стараются доказывать, что некоторые образы писателя автобиографичны: таковыми объявляются то Иртеньев, то Оленин, то Левин. Подобные попытки в сравнении с истинным масштабом Толстого кажутся мне очень мелкими, если не сказать ничтожными. Все образы Толстого – автобиографичны. Толстой – Нехлюдов, это он сам, как и Оленин, Иртеньев, Левин. Однако Толстой – это и Пьер, и князь Андрей, и Китти, и Наташа Ростова, и – даже! – Наполеон из “Войны и мира”» [9, с. 95]. И в следующем наброске «Чудо Толстого» он продолжает ту же мысль: «Флобер утверждал, что мадам Бовари – это он сам. Я принимаю и понимаю его позицию. В этом смысле, безо всякого сомнения, Анна Каренина – это сам Толстой. И Катюша Маслова из “Воскресения” – тоже Толстой. При том, что Анна и Катя настолько разные и даже отрицающие друг друга характеры и объединить их в одном человеке можно лишь чудом. И это чудо – сам Толстой» [9, с. 75].

Они действительно разные – Анна Каренина и Катюша Маслова. Одна – представительница высшего света, другая – низшего сословия. Одна думает о чувственных наслаждениях, другая – опороченная, пытается выжить. Одна кончает жизнь самоубийством, другая – соединяет судьбу с ссыльным. Но при всём их отличии друг от друга в них есть и нечто общее: они несчастны, и каждая по-своему. Страсть Вронского сгубила Анну, а страсть Нехлюдова – Катерину.

Мамед Ариф силу поэтического воздействия образов Толстого, их пленительную красоту видит «в глубочайшей правдивости, предельном правдоподобию и естественности» и, отвечая на вопрос, как писатель добивается этого, отмечает, что «Толстой отлично знал жизнь, людей, глубоко проникал в психологию человека. Но этого мало. Он обладал исключительной способностью вживаться в характеры своих персонажей, в совершенстве владел искусством перевоплощения, сопереживания. Толстой умел проникать в тайное тайных своих героев, чувствовать их боль, заботы, огорчения и радости как свои собственные. Когда мы читаем описание предсмертных минут Анны, нас охватывает огромное волнение; когда мы видим безутешные страдания матери убитого на войне юного Пети Ростова, мы переживаем вместе с ней и словно сами испытываем её боль, её страдания. Мастерством такого перевоплощения обладают только гениальные писатели. Толстой, в силу его склонности к самонаблюдению и самоанализу, обладал им в совершенстве. Этим Толстой добивался правды. Правды в изображении человеческой жизни, правды характеров. Она, эта правда, видна у него и в деталях и в больших обобщениях» [1, с. 15].

Известный учёный С. Г. Асадуллаев, отступая от общепринятого мнения, напротив, считал, что «отождествление художественных образов, типических характеров в произведениях писателя с образом самого писателя, который будто бы выступает во всех случаях прототипом для своих героев, противоречит также утверждению о том, что Лев Толстой был великим реалистом» [2, с. 48].

Герои Толстого автобиографичны, потому что в них он воплотил собственный жизненный и духовный опыт. Прототипом Константина Левина, одного из главных героев романа «Анна Каренина», можно считать самого Льва Толстого. На страницах романа отражены нравственные искания писателя, многие факты его биографии. Это отмечал и сын писателя Сергей Толстой: «Энергичная, сильная, некрасивая фигура Левина, его парадоксы, его склонность восставать против общепризнанных авторитетов, его искренность, отрицательное отношение к земству и суду, увлечение хозяйством, отношения с крестьянами, разочарование в науке, обращение к вере и многое другое, о чём будет сказано при обзоре отдельных эпизодов романа, – всё это может быть с полным правом отнесено к самому Толстому. Это как бы плохой фотографический портрет Льва Николаевича 70-х годов. Но так же, как фотография улавливает лишь один момент изображаемого лица, так в переживаниях Левина отобразился лишь один период жизни Толстого. И в этой фотографии нет главного, что отличает Толстого от Левина, – нет творчества Толстого. Вместо этого Левин пишет дилетантскую статью о сельскохозяйственных рабочих. В ней отразилось лишь увлечение Толстого сельским хозяйством, увлечение,

уже остывшее во время писания “Анны Карениной”. На субъективное значение образа Левина в литературе указывалось ещё в 80-х годах» [7, с. 571]. Ещё А. Фет заметил, что «Левин – это Лев Николаевич (не поэт)» [6, с. 306], имея в виду, что он при всём сходстве с биографическим автором (и с мужиками луг косит, и живёт в имении Покровское, и в вечном поиске истины) – всё же не великий писатель.

По мнению личного секретаря Толстого Н. Гусева, изучение образа Константина Левина представляет двойной интерес. Прежде всего, это один из главных героев романа, а также в нём отразилось много личных черт писателя. А это помогает лучше осознать многие стороны характера и мировосприятия Толстого. «Автобиографичность образа Левина была обусловлена тем, что Толстой чувствовал потребность высказать своё положительное или отрицательное отношение к поступкам и словам изображаемых им лиц – с одной стороны, и выразить свои взгляды по важнейшим вопросам, затронутым в романе, – с другой. Это можно было сделать, только введя в роман такой персонаж, который по своим душевным качествам и по мирозерцанию близко подходил к тому лицу, чьи мнения он должен был высказывать, – в данном случае к самому автору романа» [3, с. 322–323].

Н. Н. Гусев отмечает в Левине «чуткость и восприимчивость к внешним впечатлениям, искренность, стремление представлять людей «с самой хорошей стороны»: «Левин живёт напряжённой умственной и нравственной жизнью. Он думал “обо всех вопросах, занимавших общество” и обо всех “имел своё особенное твёрдое убеждение”. С Левиным иногда случалось, что в результате продолжительных и напряжённых размышлений о каком-нибудь предмете он приходил к совершенно противоположным взглядам на этот предмет по сравнению с теми, каких он придерживался раньше. ...Эта черта Левина совершенно автобиографическая» [3, с. 323–324].

Э. Эфендиев в одном из набросков («Вопрос Левина и ответ Толстого») пишет: «В моём представлении всё существование Левина подчинено поискам ответов на вопросы: что есть жизнь и кто есть человек? В романе он ни разу осознанно и напрямую не задаёт эти вопросы. Но именно эти вопросы подсознательно определяют размышления Левина, поиски Левина, беспокойство Левина. И Толстой не даёт ответы на эти вопросы, их у него нет. Вернее, Толстой отвечает, что ответов на эти вопросы нет. И даже философское решение, представленное посредством старого Фоканыча, есть не более чем слабое утешение» [9, с. 78]. Левин, как и сам писатель, настойчиво и безуспешно ищет решения вопроса о земле, читает политико-экономические книги о занимающем его предмете, но не находит нужных ответов. Для того чтобы уяснить вопрос о земле, он отправляется за границу.

Толстой описывает искания героя, его надежды и разочарования. Левин, как и сам писатель, не принимал прогресс и цивилизацию буржуазного мира и отстаивал некапиталистический путь развития России. «Образ Левина в “Анне Карениной”, – пишет Мирза Ибрагимов, – помогает Толстому затронуть главные социальные проблемы своего времени. Левин, как и Нехлюдов в “Утре помещика”, думает над крестьянским вопросом, ищет пути избавления России от нищеты... Он надеется и верит, что бедность отступит и придёт изобилие, а вражда сменится единством интересов и всеобщей гармонией. Левин уверен, что нужна революция без крови, но – величайшая революция, сперва в узком кругу его района, потом во всей провинции, а затем в России и во всём мире» [4, с. 7].

Многими чертами писателя наделён и Дмитрий Нехлюдов. Об этом Э. Эфендиев пишет в наброске «О Нехлюдове»: «Специалисты по Толстому утверждают, что Нехлюдов автобиографический персонаж, даже будто он, как характер, есть продолжение Николеньки. В моём же представлении Николенька, возможно, мог бы написать пьесу “Живой труп”, но написать романы “Анна Каренина” или “Война и мир” – никогда! Он – не Толстой. Специалисты по Толстому в своих предположениях опираются на теоретические исследования, я же – на свою интуицию. Кто же прав?» [9, с. 91].

Образ Нехлюдова появляется во многих произведениях писателя: в ранний период в повестях «Юность» и «Утро помещика», в рассказе «Записки маркёра», позже в рассказе «Люцерн» и, наконец, в романе «Воскресение».

Как и Толстой, молодой князь Нехлюдов – герой ранней повести писателя «Утро помещика» – тоже оставляет учебу в университете и поселяется в деревне, стремясь найти достойное применение своим силам. Невыносимо тяжелая жизнь крепостных, трагизм их существова-

ния рождает желание «делать добро и любить его». Он идёт к крестьянам, чтобы изменить их жизнь к лучшему. Сочувствие к страждущим и угнетённым приводит Нехлюдова в крестьянские лачуги, где царит беспросветная нищета.

Мирза Ибрагимов проводит биографическую параллель между писателем и его героем: «Сам он ещё в молодые годы, бросив Казанский университет, вернулся в Ясную Поляну, намереваясь улучшить положение крестьян. Но попытка эта не увенчалась успехом. И совсем не случайно крестьянский вопрос занимает такое место в произведениях Толстого. Сочными реалистическими штрихами писатель рисует взаимоотношения помещика и крепостного крестьянина, и перед нами со всей ясностью вырисовывается зияющая пропасть между ними» [4, с. 4]. Но гений Толстого проявлял себя не только во внешне верном изображении суровых условий жизни мужика. Толстой правдиво, просто и естественно показывает и сердце крестьянина, его психологию, образ мышления.

Способность Толстого не только мастерски изображать детали крестьянского быта, но, главное, глубоко и верно передавать «их взгляд на вещи» была подмечена ещё Н. Г. Чернышевским: «Он умеет переселяться в душу поселянина, – его мужик чрезвычайно верен своей натуре, в речах его мужика нет прикрас, нет риторики, понятия крестьян передаются у графа Толстого с такою же правдивостью и рельефностью, как характеры наших солдат... В крестьянской избе он так же дома, как в походной палатке кавказского солдата» [8, с. 682].

М. Ибрагимов замечает, что Толстой «всем содержанием своего произведения с болью в душе словно спрашивает: почему крестьяне так бедны? Со всей силой своего таланта он показывает, какую страшную нужду терпят они, и невольно внушает читателю мысль: так дальше нельзя» [4, с. 6].

Герои Толстого – выразители его идей. Эта мысль проводится и в статье Мир Джалала, посвященной нравственным исканиям писателя. По мнению автора, «и Оленин из “Казачков”, и Нехлюдов из “Утра помещика” – есть образы, прямо тождественные самому Толстому, и в известной мере, это относится и к Левину из “Анны Карениной” и даже Пьеру из “Войны и мира”» [5, с. 128].

«Утро помещика» отделяют от «Воскресения» более сорока лет. За это время многое изменилось и в сознании народа, и в мировоззрении самого писателя.

Нехлюдов, как и Толстой, захотел порвать со своей средой и жить как простолюдин. Но это не приводит его к мысли о социальном переустройстве общества. Он находит своё воскресение в духовном возвышении, в «непротавлении злу насиллем», как и великий и противоречивый Толстой.

Другой путь избрала Катюша Маслова, оказавшись среди политзаключённых. Мирза Ибрагимов пишет об этом образе: «Образ главной героини романа Катюши Масловой писатель раскрывает в неразрывной связи с основными социально-политическими вопросами русской жизни, постоянно направляя внимание читателя к этим большим насущным вопросам и проблемам эпохи... С одной стороны, он разоблачал царизм, хищническую природу буржуазно-помещичьих слоёв, с другой стороны, звал к “непротавлению злу”» [5, с. 7].

О противоречивости взглядов и суждений Толстого пишет и Мамед Ариф: «Каким бы противоречивым ни было творчество этого замечательного русского писателя, как бы ни были утопичны его стремления разрешить важнейшие социально-политические вопросы своего времени... несомненно одно: он ошибался, но никогда не шёл против своей совести, был до конца искренен, теснейшими узами был связан со своей эпохой. Современность даёт себя знать в его творениях сильным биением пульса времени, отзывчивостью мыслителя и социолога, горячо заинтересованного в исторических судьбах русского народа.

Почти всех своих любимых героев – Нехлюдовых, Иртеньевых, Олениных, Левиных, Безуховых, Болконских – писатель так или иначе сталкивает с этой важнейшей проблемой, которая порой наводит писателя на глубокие раздумья о социально-политических судьбах всего народа» [1, с. 15].

В этом проявилась сила реалистического искусства Толстого, верно отобразившего нравственные искания русского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ариф М. Писатель-гражданин (К 50-летию со дня смерти Л. Н. Толстого) / М. Ариф // Литературный Азербайджан. – 1960. – № 11. – С. 14–16.
2. Асадуллаев С. Г. Л. Н. Толстой и азербайджанская советская литература С. Г. Асадуллаев. – Баку, 1978. – 79 с.
3. Гусев Н. Н. Л. Н. Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1871 г. / Н. Н. Гусев. – М.: Изд-во СССР, 1963. – 695 с.
4. Ибрагимов М. Гений русского народа. О реализме Льва Толстого (К 50-летию со дня смерти) / М. Ибрагимов // Литературный Азербайджан. – 1960. – № 11. – С. 3–9.
5. Мир Джалал. Великий русский писатель (к 120-летию со дня рождения Л. Н. Толстого) / Джалал Мир // Молодёжь Азербайджана. – 1948, 8 сентября.
6. Толстой Л. Н. Переписка с русскими писателями / Л. Н. Толстой. – М.: Гослитиздат, 1962. – 719 с.
7. Толстой С. Л. Об отражении жизни в «Анне Карениной» [Электронный ресурс] / С. Л. Толстой. – Режим доступа: feb-web.ru.
8. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 15-ти тт. Т. 4. – М.: Худож. лит., 1948. – 981 с.
9. Эфендиев Э. Время и слово. Литературные раздумья [перевод Вагифа Ибрагимоглы] [Электронный ресурс] / Э. Эфендиев. – Режим доступа: www.kitabxana.net.

(Статья поступила в редакцию 10 июня 2016 г.)